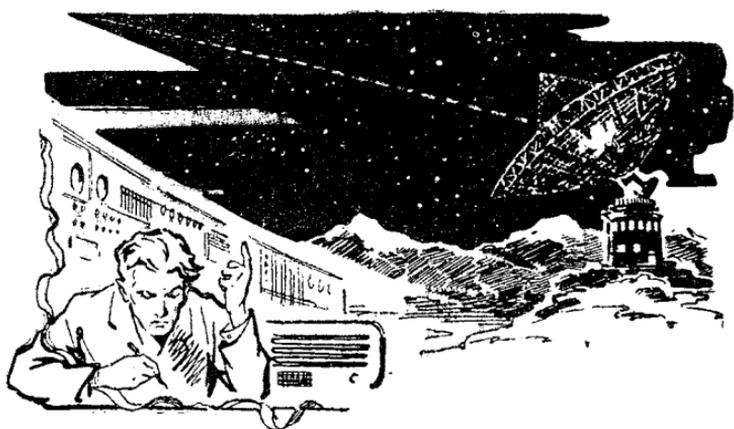

Кира СОШИНСКАЯ

КОСМОТЕХНИКА

Фантастический рассказ-шутка

В релище было внушительным. Солнце свалилось за горы, но не успело уйти далеко; снежные вершины, подсвеченные сбоку, плыли над плоскогорьем, потеряв потемневшие подошвы. Казалось, их так тщательно взбили со свежими белками и сахаром, что толкни их пальцем — и улетят. Морозный вечерний ветер путался в лиловых подушках колючек и быстро затягивал льдом мелкие озерца. Еле различимые в тени, мохнатыми черными точками ползли на ночьлег яки-кутасы.

Я подумала, что им, наверно, очень грустно сознавать, что они не выдержали конкуренции с грузовиками и газиками.

Совсем недалеко от нас на холме стояло какое-то марсианское сооружение о ста ногах, невесть как пробравшееся в необъятное великолепие памирского вечера. Это был радиотелескоп.

— У астрономов и переночуем, — сказал Седов.

Мирабшо, выслушав первую часть разговоров, повернул

свою лошадь к ажурным опорам, и мы последовали за ним.

Так мы попали к астрономам.

Их домики спрятались за холмом, в низинке, где не так бесчинствовали ветры. Никто не вышел нам навстречу. Это было странно, потому что мы с полчаса шли на виду станции. Мираб-шо и Султан, второй рабочий, принялись развьючивать лошадей, а мы тем временем заглянули в первый из домиков, благо дверь была приоткрыта.

За стандартной прихожей-тамбуром мы обнаружили две комнаты. Еще недавно в них обитали люди, один из которых даже не застелил с утра постель, а другой так быстро убежал куда-то, что оставил включенным магнитофон, и тот, прокрутив пленку, вертел бобину вхолостую. Седов выключил магнитофон и сказал:

— У них, наверное, ужин. И хороший аппетит.

— Посмотрим в другом домике.

Другой домик оказался столовой. И в нем никто не ужинал. Из кухни неслись облака дыма от пригоревшей каши, и тарелки с недоеденным супом сиротливо стояли на столах.

Седов прошел в кухню и выключил плиту.

— Теперь куда? — спросил он.

— Придется применить метод, — сказал Руслан.

— В смысле закричать «люди!»? — спросил Ким.

— Нет, искать по системе.

— А вот тот дом с проводами, — сказала я, — он больше других. Может быть, это их центр!

— Слишком тихо, — сказал Руслан. — Подозрительно тихо.

— Они убежали ловить снежного человека, — сказал Ким.

Тишина стояла над долиной совершенно первозданная. Мне стало как-то не по себе. В самом деле, что могло так испугать или удивить обитателей станции, чтобы они разом исчезли? Я пристроилась рядом с Седовым, который шагал впереди нашей маленькой группы. Как-то спокойнее.

Сзади шли Ким с Русланом. Они тоже молчали. Как будто боялись спугнуть тишину.

И вот когда оставалось три шага до большого дома, нас остановил страшный, леденящий кровь в жилах [в этом духе говорят в таких случаях!] крик. В нем звучали первобытный страх, ужас встречи с пещерным тигром, прощание с жизнью...

Мы бросились туда, распахнули четыремя парами рук широкую дверь и замерли.

Мы ошиблись. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что крик заключал в себе не страх и не ужас, а радость. Люди, набившиеся в комнату, окруженную с трех сторон панелями приборов, кричали от радости, прыгали от радости и от радости гулко шлепали друг друга по плечам. Наше появление не вызвало в них никакого удивления, и нам пришлось три раза поздороваться, прежде чем до них дошло, что приехали гости и гости удивлены их поведением.

— Вот здорово! — сказал, наконец, один из них, постарше, лет тридцати пяти на вид: лицо его было покрыто свежей бородой, находящейся в той стадии, когда неизвестно, то ли обладатель ее неделю не брился и собирается побриться завтра, то

ли решил не бриться всю жизнь до тех пор, пока за дело не возьмутся общественные организации. — Вот здорово! — сказал чернобородый и представился: — Фышлер.

— До вчерашнего дня просто доктор, и просто гений, и просто наш шеф, — добавил парень, весь в обширной рыжей бороде, которая не могла скрыть его молодого возраста, — а с сегодняшнего дня широкоизвестный гений.

Тут астрономы почему-то снова забыли о нас и начали кидать Фышлера к потолку, издавая крики.

Мы скромно стояли у двери, а Фышлер, стараясь перекрыть крики, восклицал:

— Гостей надо устроить, гостям надо все объяснить, гости решат, что мы сошли с ума.

— А что объяснять! — сказал парень без бороды, в поварском колпаке. — Включите запись, и они все поймут, люди же.

И сам нажал на какую-то кнопку на пульте.

Тут они все замерли. В душной тесной комнате зашуршало, потом будто издали, очень издали, донесся размеренный писк. Иногда он пропадал за ровным шуршанием, потом вырывался громче, отчетливее, будто где-то за сто миллионов километров задыхался комар.

— Ну как! — спросил тот, что без бороды и в колпаке.

— Да... — сказал Седов, потому что он был среди нас главным и что-то надо было сказать.

— Ничего они не поняли, — сказал Фышлер, которого уже опустили на пол. — И в этом нет ничего удивительного. Я сам бы не понял, если бы не ждал.

— Это сигналы из космоса, — не выдержал рыжебородый. — Сигналы из глубокого космоса. Теперь понятно!

— Братья по разуму! — спросил Руслан неожиданно высоким голосом.

— Похоже на то.

— Великое Кольцо... — Лицо Руслана, как говорится в таких случаях, затуманилось.

— Не будем так категоричны, — сказал Фышлер. — Но, без сомнения, можно утверждать: во-первых, полученный нами сигнал идет издали и не схож ни с одним сигналом земного происхождения. Во-вторых, сигнал организован — это не случайный набор звуков.

— Братья по разуму, — зачарованно бормотал Руслан, но никто над ним не смеялся — астрономам была приятна восторженная аудитория. Может, она скоро надоеет, но мы как-никак первые...

Нам пришлось прослушать запись таинственного послания еще раза четыре за вечер. Астрономы гоняли запись по внутренней сети попеременно с маршами и твистами. Я помогала Коле — парню без бороды, в поварском колпаке, дежурному по кухне — готовить новый ужин и даже спасла этот ужин, схватив Колю за руку в тот момент, когда он пытался высыпать в компот пакет соли.

Потом профессор Фышлер вытащил откуда-то бутылку шампанского, а Седов расщедрился на НЗ спирта. И снова мы слушали запись комариных вздохов, и Руслан был мной недоволен, потому что я осмелилась по этому поводу пошутить.

Когда мы остались одни, несколько скептически настроенный Седов сказал:

— Интересно, какой у них процент ошибки!

— А что!

— Ребята сидят здесь уже четвертый месяц и ловят всякие сигналы. А больше всего на свете им хочется, чтобы кто-нибудь из космоса с ними поговорил по-человечески. Очень хочется. Только об этом и думают. Недолго и ошибиться.

— Что же вы думаете, — сказал Руслан, — это несерьезные ребята!

— Да нет. Но и самые серьезные могут ошибиться.

Я понимала, в чем дело. Седов ненавидит любую шумиху. Он провел двадцать сезонов в поле, то есть в тайге, в горах и всяких забытых богом местах. И его нетрудно понять.

Утром договорились — астрономы подкинут нас через перевалы до Хорога на своем «газике». Нам надо было попасть в кишлак, где находилась наша база, там росли абрикосы и морковь, а на веранде у древнего мазара с выцарапанной на полу шахматной доской — там какой-то легендарный мудрец играл в шахматы, — под съезжившимися от времени рогами можно напиться чаю.

С нами поехал Фышлер. Он сидел сзади, уступив мне переднее место, и прижимал к груди пленки. Он сбрил за ночь бороду и оказался явно моложе тридцати. Он беспричинно улыбался, когда «газик» подпрыгивал на камне, и порой доставал зубами из верхнего кармана шариковую авторучку, и, уложив на коробку с пленками школьную тетрадку, пытался что-то записывать.

Мы попрощались, и Фышлер пригласил нас в Ленинград к нему зимой, чтобы он рассказал нам, что из всего этого получится. Мы пообещали приехать.

Мы услышали о Фышлере и его открытии раньше, чем думали. Это было в Душанбе. Мы стояли с Кимом в очереди за газировкой. Было очень жарко и немного пыльно. Очередь была длинной и изнуренной зноем. Я, отошла в тень, к стенду с газетой. На последней странице крупными буквами было набрано: «Интервью с доктором Фышлером».

И я, еще не читая, крикнула Киму:

— Кимуль, там про наших астрономов!

У Кима подходила очередь, и он сказал:

— Прочти сама, а я тебе стакан поднесу.

Но я подбежала к нему, мы напились — по три стакана без сиропа — и вместе прочитали про то, что уже знали. Но было там и новое для нас. Доктор Фышлер довольно сдержанно и без упоминания собственных заслуг сказал корреспонденту, что с помощью радиотелескопа удалось уловить сигналы явно искусственного происхождения и даже определить их источник, я забыла, в каком созвездии, но глав-

ное — за много световых лет от нас. Какие-то живые существа ищут связи с братьями по разуму. «В настоящее время, — писал дальше Фышлер, — наше открытие подтверждено астрономами с Миддлтонской обсерватории, а также японскими коллегами. Они тоже уловили идентичные сигналы на той же волне».

А дальше шло самое интересное. Оказывается, один московский ученый определил, что это за сигнал. Не то чтобы понял его, но на основании каких-то расчетов решил, что сигнал не послание, а нечто вроде зашифрованного указания, как построить что-то такое... В общем он высказал только гипотезу, и не все с ней согласны, но если это так...

Мы с Кимом очень обрадовались, что у Фышлера и в самом деле с сигналом получилось все, как он хотел. Мы рассказали об этом Руслану с Седовым, когда вернулись в гостиницу, и те тоже обрадовались, а Руслан сказал:

— Вы просто не понимаете, что значит это открытие. Вы погрузили в суеие ежедневности и обыденности. А ведь наступил таки день, когда космос заговорил с нами как с равными. И сказал: «Здравствуйте, братья по разуму. Слышите ли вы нас!»

— Да, но если этот сигнал пришел за много световых лет, то и запустили его, когда мы еще никаких телескопов не имели, — возразил Ким.

Но Кима никто не поддержал.

— Завтра или послезавтра в других газетах будет, — сказал Седов. И оказался прав.

Потом появилось сообщение о том, что достигнуты предварительные результаты в расшифровке сигналов. А тем временем на Памирской станции уловили еще один сигнал из того же источника на той же волне, уже другой по типу. Новостей было хоть отбавляй. У нас в Ленинграде, в Америке и во Франции вычислительные машины перерабатывали информацию для того, чтобы, следуя указаниям со звезд, построить аппарат или корабль.

В Ленинград я попала как раз в разгар событий, когда работы вычислителей и строителей кончались. И когда я рассказала маме про то, что я знакома с самим Фышлером, мама ответила:

— Я его видела по телевизору.

А я подумала, может быть, он помнит о нашей встрече! У меня был его домашний телефон. Ребята об этом не знали. Он дал мне его, когда мы прощались в Хорого, — у нас дома нет телефона.

И в тот же вечер позвонила Фышлеру.

— Можно попросить Бориса Иосифовича! — сказала я.

— Я у телефона.

— Вас беспокоит Кира. Может, вы помните, как мы приехали к вам на Памир...

Я говорила и краснела на глазах — хорошо еще, что телефоны пока простые, а не цветные видеофоны. И чего только я звоню! Он сейчас начнет вежливо колебаться, и постарается

вспомнить геологиню, и не вспомнит. Я чуть было не бросила трубку. Но он сказал сразу:

— Здравствуйте, Кира, как хорошо, что вы позвонили. И не надо только звать меня Иосифовичем, это почти что старик Хоттабыч.

И сказал это он так просто, что я поняла: помнит меня и даже не забывал.

— Я решил было, — сказал он, — что вы совсем загордились и астрономы у вас не котируются. Ну, как живете?

Мы с ним немножко поговорили, и я уже не жалела, что ему позвонила. А потом он сказал:

— У меня для вас сюрприз, Кира. Вы завтра свободны в одиннадцать утра!

— Да.

— Я за вами заеду. Можно?

Это не очень удобное время для свидания, но я согласилась. Он заехал точно в одиннадцать, и я сама открыла ему дверь.

— Заходите, — сказала я ему.

Он совсем не изменился. Только там, на Памире, он был в толстом свитере, а сейчас на нем отглаженный костюм и белая рубашка с галстуком. И у него оказались голубые глаза. И ботинки были хорошо начищены — я ненавижу мужчин, которые не чистят ботинок.

— Нет, — сказал он. — В гости я приду в другой раз, если позволите. Сегодня у нас дело. Вы одеты! Даю пять минут.

У подъезда стоял голубой «Москвич», довольно потрепанный. Он открыл мне дверцу, и мы поехали. Мы остановились перед большим новым домом на Лесном. В вестибюле слонялось несколько человек, все старше Бориса, но они сами подходили к нему, и жали ему руку, и оттеснили меня от него, и я почувствовала, что я здесь совершенно ни при чем, и чуть было не ушла потихоньку, но тут Борис раздвинул людей, взял меня за руку.

— Познакомьтесь. Кира, которая присутствовала при первом приеме сигналов...

Они сначала немного удивились, но потом один сказал:

— Именно вам и интереснее всех увидеть, что получилось.

И мы прошли дальше по коридору, в большой зал, в котором собралось еще человек двадцать, и они тоже здоровались с Фышлером, но я смотрела на сооружение в центре зала. Сооружение было покрыто непрозрачным пластиком, и я поняла, что все собрались ради того, чтобы поглядеть на то, что там стоит. И я догадалась, в чем дело, — это и есть та машина, которую они собрали по указаниям, полученным из космоса. Вот тебе и задыхающийся комарик! Я даже пожалела, что со мной не было Седова, и Руслана, и Кима. Им бы тоже было интересно. Руслан романтик, а Ким любит технику.

— Ну что ж, — сказал один из собравшихся, — можно снять покрывало с нашего монумента. Здесь специалисты в самых различных отраслях знания, и, возможно, мы придем к общему выводу. Прошу учесть, что существа, пославшие нам сообщение, могут весьма сильно от нас отличаться и поэтому придется по-раскинуть мозгами.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

Он сильно дернул за какую-то нитку, и покрывало упало. Я даже не могу толком описать представшее перед нами странное сооружение. Больше всего оно напоминало гондолу дирижабля и прикреплялось к полу системой пружин и подвесок.

Специалисты долго осматривали его, спорили, трогали. Я тоже потрогла. Какой-то толстяк в очках говорил:

— Необходимо учитывать возможные расхождения в материалах и технологии. Мы могли чего-нибудь не учесть...

— Ну, что это! — спросил меня над ухом Борис.

— Если бы я знала.

— Вот и я пока не знаю. Моя специальность — радиоастрономия, а не космотехника.

— А вы все сообщение приняли!

— То-то и оно, что все. Потому что оно повторялось, и тогда-то его приняли и другие станции.

Мы ушли с ним, и Борис меня немного проводил, поставив машину на проспекте Майорова, а я живу на Малой Подьяческой.

Когда мы с ним встретились в следующий раз — он купил билеты в кино, и хоть я была занята, но не пропадать же билетам, — в тот раз он показал мне несколько фотографий. На фотографиях была изображена та же гондола, которую я видела. Но оказалось, это не та гондола, а французская и английская. В этих странах тоже построили машину. Оказывается, ее строили еще и другие страны. К концу месяца в мире было построено восемнадцать таких гондол, но никто так и не смог догадаться, что же это такое.

Радиотелескопы мира стерегли ту волну, ожидая, что может быть, последует продолжение. Но, как и говорил Борис, продолжения пока не было, если не считать короткого послания, о котором я уже говорила. Правда, выдумывали по этому поводу немало. Одна канадская газета написала даже, что гондолы — метод межзвездного шпионажа. Вот-вот в гондолах материализуются завоеватели с чужой планеты. А агентство ЮПИ сообщило, что в штате Небраска модель гондолы будут переоборудовать в танк-амфибию.

Тайна оставалась тайной. Прошла зима. Мы с Борисом совсем познакомились. Я даже была у него дома. У него есть собака дворняжка Рекс, некрасивая, но очень умная, а его отец — персональный пенсионер и мастер спорта по шахматной композиции.

А потом, весной, все и случилось. Помните, я говорила о втором послании, которое отличалось по типу от первого и не было инструкцией! Так вот его, наконец, расшифровали.

Фышлер приехал ко мне в десять вечера и очень этим удивил мою маму. Мама любит, чтобы мои знакомые переставали давать о себе знать после семи. Хотя к Борису она очень неплохо относится.

— Извини, что я так поздно, — сказал он. — Но мне обязательно нужно было тебя увидеть, чтобы сказать невероятно важную вещь.

Мама поморщилась. Она, по-моему, решила, что он с налета, вот так вот и начнет предлагать мне руку и сердце. Но Борис достал из кармана листок бумаги и дал мне прочитать, а сам сидел на диване и не спускал с меня глаз. Ему была интересна моя реакция. Сначала я прочла и ничего не поняла. Тогда он сказал:

— Второе послание, на той же волне, помнишь?

— Ага, — сказала я.

— Вот это оно и есть.

Тогда я прочла записку снова:

«Планета Кенр-2-14, Сорпат-1-67. Вторая улица, Станция 6. Липе Параллелепипед.

Дорогая племянница. Я выполняю твою просьбу и посылаю тебе инструкцию и полную рецептуру самоукачивающейся колябели. Надеюсь, ваш младенец не будет теперь плакать по ночам. У нас все в порядке, дедушка опять съел курлюку и страдает. Надеюсь прилететь к себе в буртоге. Обнимаю Рипу.

Твоя тетя Пепита.

Планета Прог-1, Восьмой штурп».

— Не может быть, — сказала, наконец, я.

— Почему не может? — Борис радовался, как дитя малое. — Ты что же думаешь, у людей на других планетах не рождаются дети и им не нужны, между прочим, самоукачивающиеся коляски? Мы перехватили, так сказать, частную радиограмму.

Я постаралась себе представить гондолу и сказала:

— Ну и крупные у них младенцы!

— Да, крупные, — подтвердил Борис. — Но, возможно, мы ошиблись в масштабах. Во всяком случае, на Земле сейчас восемнадцать самоукачивающихся колясок с планеты Прог-1 с очень оригинальной системой подвески.

